

ФРАНСУА ГИЗО

ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ В
ЕВРОПЕ

Франсуа Гизо

История цивилизации в Европе

«Public Domain»

1828

Гизо Ф.

История цивилизации в Европе / Ф. Гизо — «Public Domain»,
1828

«...Я говорю о европейской цивилизации: несомненно, что такая цивилизация существует, т. е. что в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в самом ходе, она обуславливается фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем же результатам. Итак, европейская цивилизация существует; исследование ее и составляет предмет наших лекций...»

Содержание

Лекция первая	5
Лекция вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Франсуа Гизо

История цивилизации в Европе

Лекция первая

Предмет курса. – История европейской цивилизации. – Роль Франции в цивилизации Европы. – Цивилизация может служить предметом исторического изложения. – Она самый общий факт истории. – Употребительный, общепринятый смысл слова «цивилизация». – Два главных факта образуют цивилизацию: 1) развитие общества; 2) развитие человека. – Доказательства предыдущего положения. – Эти два факта необходимо связаны друг с другом и рано или поздно воспроизводят один другой. – Вполне ли исчерпывается назначение человека его индивидуальной или общественной жизнью? – История цивилизации может быть рассматриваема и описываема с двух точек зрения. – Несколько слов о плане курса. – О настоящем состоянии умов и о будущности цивилизации.

Мм. Гг.!

Я искренне тронут вашим сочувствием. Позволю себе заметить, что оно не прерывалось между нами, несмотря на весьма продолжительную разлуку. Я говорю: «оно не прерывалось между нами», словно я вижу пред собою то же поколение, которое семь лет тому назад видел в этой же аудитории. Прошу извинить меня, мм. гг., – ваш благосклонный прием меня смутил. Мне кажется, что с моим возвращением в эту аудиторию должно вернуться все прежнее, без всяких изменений; а между тем все изменилось и сильно изменилось. Семь лет тому назад мы входили сюда с беспокойством, в томительном, печальном ожидании неизвестного будущего; мы знали, что нам предстоят всевозможные затруднения, опасности; мы чувствовали, что устремляемся в бездну, которую тщетно пытались миновать, несмотря на наше спокойствие и нашу осторожность.

Сегодня же все мы, – и вы, и я – собрались сюда исполненные светлых надежд, спокойные сердцем и свободные мыслью. Мы имеем возможность одним только средством достойно выразить нашу признательность, а именно: мы должны внести в наши собрания и занятия такое же спокойствие и такую же умеренность, как в то время, когда нам ежедневно приходилось ждать стеснений или даже совершенного прекращения лекций. Счастье изменчиво, мимолетно, хрупко; надежда, как и опасение, требует осмотрительности; выздоровление от болезни требует почти тех же забот, той же осторожности, как и наступление болезни. Я уверен, что у вас не будет недостатка во всех этих качествах. Те же симпатии, тот же откровенный обмен мнений, чувств, идей, соединявший нас в тяжкое время и избавивший нас от многих ошибок, соединит нас и ныне, в благоприятное время; он даст нам возможность с успехом воспользоваться им – я, по крайней мере, в этом глубоко убежден.

Нам остается весьма мало времени до конца года. Я сам имел немного времени для того, чтобы хорошенько подготовить курс, который намереваюсь прочесть вам. Я искал тему, которая более всего соответствовала бы условиям, в которые мы поставлены. Мне показалось, что общая картина новой истории Европы, рассматриваемой в отношении к развитию цивилизации, т. е. общий взгляд на историю европейской цивилизации, на ее происхождение, ход, цель, характер, – мне показалась, что подобная картина может быть с успехом начертана в продолжение того времени, которым мы располагаем. Я остановился на этой теме и думаю, что вы не сочтете мой выбор неудачным.

Я говорю о европейской цивилизации: несомненно, что такая цивилизация существует, т. е. что в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в самом ходе, она обуславливается

фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем же результатам. Итак, европейская цивилизация существует; исследование ее и составляет предмет наших лекций.

С другой стороны, очевидно, что эту цивилизацию нельзя искать в каком-либо одном европейском государстве, что история ее не может быть изучена из истории какой-либо одной страны. При всем единстве, она бесконечно нюансирует; она никогда не развивалась вполне в одном каком-нибудь государстве. Элементы ее истории следует искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании.

Мы находимся в весьма благоприятных условиях для изучения европейской цивилизации. Без лести можно сказать, что Франция была центром, фокусом европейской цивилизации. Несправедливо было бы утверждать, что Франция всегда во всех отношениях шла во главе наций. В иные эпохи она, например, в отношении к искусствам уступала Италии, в отношении политических учреждений – Англии. Может быть, нашлись бы и другие страны Европы, которые в известные периоды стояли в некоторых отношениях выше Франции; однако нельзя не признать, что каждый раз, когда Франция видела себя отставшею на каком-либо поприще, она обретала в себе новую силу, быстро устремлялась вперед и снова становилась в ряд с прочими государствами или даже во главе их. Этого мало: все идеи, все, так сказать, цивилизующие учреждения, родившиеся на другой почве, не раньше распространялись, обобщались, применялись на практике и вообще начинали действовать на пользу всей европейской цивилизации, как после переработки их во Франции; отсюда уже, как из второй своей родины, они овладевали всею Европою. Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации, которые не прошли бы сначала по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение.

В духе французского народа есть нечто общительное, симпатичное, нечто сообщающееся другим нациям с большою легкостью и энергиею. Язык ли наш, особенность ли нашего ума и нравов тому причиною, но наши идеи популярнее, яснее представляются массам и легче проникают к ним, чем идеи, выработанные в какой бы то ни было другой стране. Словом – ясность мысли и общность идей составляют отличительный характер Франции и ее цивилизации, и эти качества давали ей, преимущественно пред другими государствами, возможность идти во главе европейской цивилизации.

Итак, при изучении истории этой цивилизации, мы не по произволу и не в силу общепринятого обыкновения избираем Францию средоточием нашего анализа; но исключительно в силу того, что мы становимся таким образом как бы в центре самой цивилизации, в центре изучаемого нами факта.

Я умышленно употребляю слово «факт».

Цивилизация есть факт, подобный всякому другому, факт, который наравне со всяким другим может сделаться предметом изучения, описания, рассказа.

Многие не без основания утверждают, что историю следует ограничить фактами и только фактами. Это весьма справедливо; но число и разнообразие фактов гораздо больше, чем может показаться с первого взгляда.

Есть факты материальные, видимые – сражения, войны, официальные действия правительств; есть факты моральные, скрытые, но тем не менее вполне реальные; есть факты индивидуальные, имеющие определенное название; есть факты общие, безымянные, которых нельзя отнести к известному времени, дню, году, которые невозможно заключить в определенные рамки; но тем не менее и они принадлежат к числу исторических фактов; исключение их из истории было бы равносильно ее искажению.

Та часть истории, которую обыкновенно называют философскою, – разумея под этим названием исследование отношений событий между собою, взаимной связи их, причин их и результатов, – тоже состоит из фактов и входит в состав общей истории точно так же, как рас-

сказы о битвах и других внешних происшествиях. Разбирать такого рода факты без сомнения гораздо труднее; они чаще дают повод к ошибкам; их нелегко одушевить, изобразить в ясных, живых формах; но эта трудность нисколько не изменяет их природы; они тем не менее составляют существенную часть истории.

Цивилизация есть один из таких фактов – факт всеобщий, скрытый, сложный, нелегко поддающийся описанию и повествованию, но тем не менее существующий, имеющий полное право быть предметом повествования и описания. Можно возбудить множество вопросов по поводу этого факта; можно спросить – и действительно такой вопрос задавался – является ли он добром или злом. Одни приходят от него в отчаяние, другие – в восторг. Можно задать себе вопрос: есть ли это всеобщий факт, существует ли всемирная цивилизация человеческого рода, стремится ли человечество к определенной цели, передают ли народы друг другу из века в век нечто исчезающее, нечто возрастающее, хранимое как драгоценное сокровище, и, таким образом, нечто нетленное, вечное? Что касается меня, то я глубоко убежден, что действительно человечество имеет общее предназначение; что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации.

Но даже не возбуждая столь серьезных и трудных вопросов, ограничивая себя определенными рамками известного числа веков или известными национальностями, нельзя не убедиться, что и в этих границах цивилизация есть факт, который может быть описан, рассказан, который имеет свою историю. Замечу тут же, что история эта выше всех прочих, что она обнимает собою все другие.

Не ясно ли в самом деле, что факт цивилизации есть факт по преимуществу, факт всеобщий и окончательный, к которому сводятся все другие, в котором они разумеются? Возьмите все факты, из которых составляется история народа и которые обыкновенно принято считать элементами его жизни, – возьмите его учреждения, торговлю, промышленность, его войны, все подробности его управления: что хотите вы раскрыть в этих фактах, рассматривая их в совокупности и взаимной связи, взвешивая и обсуждая их? Вы хотите исследовать, насколько они содействовали цивилизации народа, какую роль они играли в ней, какое принимали в ней участие, какое имели на нее влияние. Этим путем вы не только составляете себе определенное представление о явлениях народной жизни, но и таксируете их, определяете их истинную цену; их можно сравнить с реками, из которых каждая вносит свою долю в океан. Цивилизация – нечто вроде океана, который составляет достояние народа, которым соединяются все элементы, все силы народной жизни. Это настолько справедливо, что даже те факты, которые по существу своему гнусны, пагубны, факты, лежащие тяжким бременем на народах, каковы, например, деспотизм или анархия, – даже такие факты, если они содействовали в чем-нибудь цивилизации, заставили ее сделать значительный шаг вперед, то и они становятся до некоторой степени извинительными: там, где только признают существование цивилизации и фактов, содействовавших ей, невольно забывают цену, которою она куплена.

Есть также факты, которые, строго говоря, нельзя даже назвать общественными, – факты индивидуальные, касающиеся, по-видимому, более человеческого духа, нежели общественной жизни: таковы религиозные верования, философские идеи, наука, литература, искусства. Факты эти, по-видимому, относятся собственно к единичному человеку, предназначены для его усовершенствования, для доставления ему разнообразных наслаждений; цель их с первого взгляда – не столько общественное развитие человека, сколько его внутреннее развитие или его наслаждение. Однако и эти факты рассматриваются и должны быть рассматриваемы с точки зрения цивилизации. Всегда и везде религия принимала большое участие в цивилизации народов; наука, литература, искусства, все умственные и нравственные наслаждения человека также претендовали на такую же роль, и признание ее за ними считалось для них высшею почестью и похвалою. Поэтому, как бы велико и важно ни было известное явление, по одному отношению своему к человеческому духу, независимо от всякого внешнего результата, – зна-

чение его еще более возрастает от связи его с цивилизацией. Такова важность этого всемирного факта, что он увеличивает цену всего, что только приходит с ним в соприкосновение. И это еще не все: есть случаи, когда упомянутые нами факты, т. е. религиозные верования, философские идеи, литература, искусства рассматриваются и обсуждаются больше всего на основании их влияния на цивилизацию – влияния, которое до известной степени и в течение известного времени служит решительным мериллом их заслуг и действительного значения.

Но в чем же состоит самый факт, – спросим мы, прежде чем приступим к его истории, – факт столь важный, столь всеобъемлющий и драгоценный, являющийся как бы смыслом, выражением всей жизни народов?

Отвечая на этот вопрос, я воздержусь от отвлеченных философских взглядов; я не буду опираться на какой-нибудь рациональный принцип и не стану выводить из него, как следствие из причины, сущность цивилизации; такой метод мог бы подать много поводов к заблуждениям. Мы встречаемся и здесь с фактом, требующим констатирования и описания.

Уже издавна во многих странах употребляют слово *цивилизация*. Ему придают более или менее определенное, более или менее общее значение; во всяком случае слово это общепотребительное и понятно для тех, кто употребляет его. Нашему изучению подлежит общее, популярное значение этого слова. В общепринятых терминах почти всегда более истины, чем в самых точных, по виду самых строгих, научных определениях. Общепринятое значение слов вырабатывается здравым смыслом, а здравый смысл есть гений человечества. Это значение слов вырабатывается постепенно, под влиянием фактов; по мере возникновения фактов, подходящих под смысл известного термина, этот последний сам собою, естественным путем, применяется к ним; значение термина распространяется, расширяется – и мало-помалу различные факты, различные идеи, которые по самой сущности своей должны быть соединены между собою, действительно соединяются в одном общем слове. Напротив, если значение слова определено наукою, то определение это, сделанное одним или несколькими лицами, совершается под влиянием какого-либо частного факта, особенно выдающегося. Таким образом, научные определения вообще специальное общепотребительных, и потому, в сущности, гораздо менее верны. Изучая как факт значение слова *цивилизация*, изыскивая все заключающиеся в нем, по здравому человеческому смыслу, понятия, мы гораздо ближе ознакомимся с самим фактом, нежели давая ему научное определение, хотя с первого взгляда оно и показалось бы нам яснее и точнее.

Для начала предстоящего изыскания я приведу несколько примеров, опишу несколько различных состояний общества; затем мы поставим вопрос: в каком из этих состояний инстинктивно чувствуются признаки успехов общества в ходе цивилизации и обретаются те данные, которые человеческий род обыкновенно соединяет с понятием о *цивилизации*.

Вот народ, внешняя жизнь которого течет покойно, невозмутимо. Он платит мало налогов, он не бедствует; он выработал правильную систему правосудия, словом, материальное существование его вообще может считаться вполне удовлетворительным. Но в то же время умственная и нравственная жизнь этого народа упорно пребывает в состоянии оцепенения, застоя; она – не скажу подавлена, потому что народ не чувствует над собою никакого гнета, – но стеснена со всех сторон. История представляет нам такие примеры. Во многих небольших аристократических республиках с подданными обращались как со стадом, хорошо содержимым и материально обеспеченным, но совершенно чуждым умственной и нравственной деятельности. Будет ли это цивилизация? Цивилизуется ли этот народ?

Вот другой пример. Материальная жизнь народа менее покойна и удобна, хотя и сносна. Зато не оставлены без внимания его нравственные и умственные потребности: им дана некоторая пища; в этом народе заботятся о развитии возвышенных, чистых чувств. Религиозные, нравственные верования его достигли известной степени развития; но в нем тщательно стараются подавить начала свободы; умственные и нравственные потребности его удовлетворяются

подобно тому как в вышеупомянутом нами государстве удовлетворялись потребности материальные: каждому предоставлено пользоваться известною долею истины, но никому не разрешено самостоятельно искать ее. Неподвижность – характерная черта нравственной жизни подобного народа. Таково состояние большей части государств Азии, где теократические правительства задерживают развитие человечества. Таково, например, состояние индусов. Повторю тот же вопрос: цивилизуется ли этот народ?

Теперь я совершенно изменяю характер примера. Вот народ, у которого чрезвычайно развита свобода нескольких отдельных лиц, но при этом беспорядок и неравенство достигли крайних пределов. Везде преобладание силы и случая; кто слабее, того притесняют, тот бедствует, гибнет; насилие – господствующий характер общественной жизни. Всякий знает, что Европа пережила такое состояние. Это ли цивилизация? Конечно, и здесь заключаются элементы цивилизации, предназначенные к дальнейшему развитию; но состояние, в котором находится такое общество, конечно, не то, которое здравый смысл человека называет цивилизацией.

Перехожу к четвертому и последнему примеру. Личная свобода отдельного человека очень велика; неравенство встречается редко, или по крайней мере скоро исчезает. Каждый творит почти все, что хочет; по общественному значению своему, все более или менее равны; но мало общих интересов и идей, слаба общественная деятельность, словом, способности и живые силы отдельных личностей развиваются и проявляются совершенно разрозненно, без всякого взаимодействия; они не оставляют никаких следов существования; следующие друг за другом поколения в социальном отношении почти не отличаются одно от другого. Это состояние диких племен: тут есть и свобода и равенство, но цивилизации, без всякого сомнения, тут нет никакой.

Я мог бы привести еще много подобных примеров, но полагаю, что и приведенных достаточно для того, чтобы выяснить общеупотребительное значение слова *цивилизация*.

Ясно, что ни одно из вышеприведенных общественных состояний не соответствует этому выражению, как понимает его здравый смысл человека. Почему? Мне кажется, что сущность, заключающаяся в слове *цивилизация* (и это прямо вытекает из приведенных мною примеров), есть прогресс, развитие; термин этот неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, – и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, – о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития кажется мне основною идеею *цивилизации*.

Но что такое прогресс? Что такое развитие?

На этот вопрос, самый затруднительный из всех, этимология слова *цивилизация* дает, кажется, ясный и удовлетворительный ответ. Она указывает на усовершенствование гражданской жизни¹, на развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений.

Такова, в самом деле, первая мысль, зарождающаяся в нашем уме при слове *цивилизация*. Мы тотчас же представляем себе расширение, увеличение общественной деятельности и лучшую организацию общественных отношений: с одной стороны, мы видим усиленное развитие элементов, образующих могущество и благосостояние общества, с другой – возможно равномерное распределение их между отдельными лицами.

Все ли это? Вполне ли исчерпали мы естественное, общеупотребительное значение слова «цивилизация»? Не заключает ли оно в себе еще чего-нибудь?

Поставить подобный вопрос – почти то же самое, что спросить себя: род человеческий, в сущности, не похож ли на муравейник, т. е. на общество, вся задача которого состоит в соблюдении порядка и обеспечении благосостояния, – на общество, цель которого достигается и

---

¹ *Civilis* – гражданский (*лат.*).

прогресс увеличивается по мере того как возрастает сумма труда и уравнивается распределение результатов его?

Общечеловеческое, инстинктивное чувство возмущается при столь узком определении назначения человека. Оно усматривает с первого взгляда, что слово *цивилизация* включает в себе нечто высшее, обширнейшее и более сложное, нежели простое усовершенствование общественных отношений, простое увеличение общественной силы и благосостояния.

Исторические факты, общественное мнение, общепринятое значение слова *цивилизация* – все говорит в пользу этого инстинктивного чувства.

Возьмите Рим в цветущие времена Республики, после второй Пунической войны, в момент развития его высших доблестей, когда он стремился к покорению мира, когда общественная жизнь очевидно шла вперед. Потом посмотрите на Рим при Августе, в эпоху, когда начинается его упадок, когда по крайней мере останавливается прогрессивное движение общества, и начинают брать верх вредные начала. Тем не менее никто не подумает и не скажет, что Рим Августа стоял на низшей ступени цивилизации, нежели Рим Фабриция или Цинцинната.

Перенесемся в другую страну, во Францию XVII и XVIII столетий. Очевидно, что в социальном отношении, по сумме благосостояния и по распределению его между отдельными лицами, Франция в XVII и XVIII веках стояла ниже некоторых других стран Европы, например Голландии и Англии. Я убежден, что общественная деятельность в Голландии и Англии была сильнее, росла быстрее, результаты ее распределялись лучше, чем во Франции. Однако обратитесь к здравому смыслу человека – и он вам ответит, что Франция в XVII и XVIII веках стояла на самой высокой ступени цивилизации среди остальных стран Европы. Европа не колебалась в решении этого вопроса. Следы ее мнения о Франции можно найти во всех памятниках европейской литературы.

Можно указать еще много государств, где благосостояние растет быстрее и лучше распределяется между гражданами и где между тем цивилизация – по приговору здравого смысла и врожденного человеку инстинкта – находится на низшей степени развития, нежели в других государствах, не столь удовлетворительно устроенных собственно в социальном отношении.

Что же это означает? Откуда заимствуют эти государства те преимущества, которыми так щедро вознаграждаются, по общепризнанному мнению, все прочие недостатки их общественного устройства?

Здесь блестяще заявляет себя иного рода развитие, отличающееся от развития общественной жизни, развитие жизни индивидуальной, внутренней, развитие самого человека, его способностей, чувств, идей. Если общество и представляет несовершенства в других отношениях, то в смысле общечеловеческом оно является в большем величии и могуществе. Ему остается еще сделать много социальных завоеваний, но оно сделало огромные умственные и нравственные приобретения; множество граждан лишено еще различных прав и жизненных благ, но зато оно может гордиться многими великими людьми, слова которых озаряют весь мир. Литература, наука, искусства процветают. Везде, где род человеческий видит процветание этих величественных, славных проявлений человеческой природы, везде, где он видит созидание этой сокровищницы возвышенных наслаждений, – он узнает и признает цивилизацию.

Таким образом, в цивилизации заключаются два главных факта, она существует при двух условиях и характеризуется двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной, – прогрессом общества и прогрессом человека. Повсюду, где внешняя жизнь человека становится более широкою, где она оживляется, улучшается, где духовная природа его проявляется во всем блеске и величии, – повсюду на основании этих признаков, и часто даже несмотря на значительное несовершенство общественного быта, человеческий род провозглашает цивилизацию и превозносит ее.

К таким результатам, если я не ошибаюсь, приводит общепринятое мнение о цивилизации. Если мы обратимся собственно к истории, если вникнем в сущность великих кризисов

цивилизации, к анализу фактов, от которых, как признано всеми, зависело ее поступательное движение, то мы и там неизбежно встретимся с обоими вышеуказанными элементами цивилизации.

Везде мы увидим кризисы или индивидуального, или общественного развития, явления, которые изменяли или внутреннюю природу человека, его верования, нравы, или его внешнюю жизнь, отношения его к другим людям. Христианство, например, – я говорю не только о времени его появления, но вообще о первых веках его, – христианство не заявило никаких непосредственных притязаний на общественное устройство того времени; оно громко возвестило, что не коснется его и приказало рабу повиноваться своему господину; оно не восстало против главнейших зол, против вопиющих несправедливостей современного общества; но кто тем не менее будет отрицать, что христианство и тогда уже вызвало великий кризис в истории цивилизации? Почему? Потому что оно изменило внутреннюю природу человека, его верования, чувства, потому что оно переродило, обновило человека в нравственном и умственном отношении.

Мы видели кризис другого рода, изменивший и преобразовавший общество, – кризис, относившийся не к внутренней жизни человека, а к его общественному устройству. И это был, бесспорно, один из решительнейших кризисов в истории цивилизации. Просмотрите всю историю – вы всюду найдете тот же результат; вы не встретите ни одного важного факта, содействовавшего развитию цивилизации, который не имел бы влияния на одну из упомянутых мною сфер человеческой деятельности.

Таково, если не ошибаюсь, естественное и общеупотребительное значение слова *цивилизация*; таков факт – не скажу окончательно определенный – но описанный, приведенный в ясность почти вполне или, по крайней мере, в главных чертах своих. Пред нами теперь оба элемента цивилизации. Но достаточно ли для ее существования одного из двух элементов? Если бы мы где-нибудь увидели развитие одного только общества или, наоборот, одной только индивидуальной личности, то могло ли бы подобное развитие назваться цивилизацией? Нашел ли бы ее там здравый человеческий смысл? Или, быть может, оба эти факта состоят в такой тесной и необходимой связи между собою, что, даже появляясь не одновременно, они не могут быть отделены друг от друга, и рано или поздно один из них повлечет за собою другой?

Вопрос этот можно, как мне кажется, рассматривать с трех сторон. Можно исследовать самую сущность элементов цивилизации и допытываться, тесно ли они связаны между собою и необходимы ли они друг для друга. Можно разыскать исторически, проявлялись ли они отдельно друг от друга или же всегда были результатом один другого. Можно, наконец, прислушаться по поводу этого вопроса к общему мнению людей, к их здравому смыслу. Я обращусь прежде всего к общественному мнению. Когда совершается важная перемена в состоянии какой-нибудь страны, когда в ней происходит значительное развитие богатства и силы или переворот к распределению общественного благосостояния, то эти новые явления встречают себе противников, выдерживают с ними борьбу, – да иначе и быть не может. Но что же вообще говорят противники перемены? Они говорят, что этот прогресс общественного быта не улучшает, не обновляет в то же время нравственного состояния, внутренней жизни человека; что это ложный, обманчивый прогресс, который ведет к ниспровержению нравственности, истинного достоинства и нормального состояния человека. Приверженцы общественного преобразования с чрезвычайною энергиею отражают это нападение; они утверждают, наоборот, что прогресс общества необходимо влечет за собою прогресс нравственности, что чем лучше слагается внешняя жизнь, тем более исправляется и очищается внутренняя жизнь. Так ставится вопрос между противниками и приверженцами нового порядка вещей.

Сделайте обратное предположение; представьте себе, что прогресс в одном нравственном развитии. Что обещают вообще люди, стоящие во главе его? Что обещали в первые времена существования обществ духовные владыки, мудрецы, поэты, стремившиеся к смягчению

и исправлению нравов? Они обещали улучшение общественного быта, более справедливое распределение благосостояния. Что же доказывают эти споры и обещания? Они доказывают, что по врожденному, инстинктивному верованию людей, оба элемента цивилизации – развитие общества и развитие личности – тесно связаны между собою, что при виде одного человечество непременно рассчитывает и на другое. К этому именно верованию обращаются все те, которые для защиты или опровержения того или другого развития признают или отрицают соединение их. Уверив людей, что улучшение общественного быта совершается в ущерб внутреннему прогрессу человека, можно отвратить или ослабить переворот, совершающийся в обществе. С другой стороны, обещая людям улучшение общества как последствие улучшения отдельных лиц, можно с полной уверенностью рассчитывать на врожденную склонность людей верить такому обещанию и пользоваться ею. Итак, очевидно, что в человеке есть инстинктивное верование в тесную связь обоих элементов цивилизации и во взаимное происхождение их друг от друга.

Если мы обратимся к всемирной истории, то получим тот же самый ответ. Мы найдем, что развитие внутренней природы человека служило вместе с тем на пользу обществу, и наоборот, всякое значительное развитие общественного быта – на пользу человека. Конечно, всегда преобладает одно развитие над другим, проявляется с большим блеском и сообщает прогрессу свой особый характер. Другой фактор развивается иногда по прошествии долгого времени, после тысячи видоизменений, тысячи препятствий, и служит как бы дополнением цивилизации, обусловленной первым фактором. Но вглядываясь глубже, нельзя не заметить связи, соединяющей их. Пути провидения не ограничены тесными пределами; оно не имеет надобности извлекать сегодня же вывод из постановленного вчера принципа; оно извлечет его по прошествии веков, в свое время; медленность (с нашей точки зрения) нисколько не уменьшает верности его рассуждений. Провидение распоряжается временем по своему усмотрению; оно движется в нем подобно тому как боги Гомера двигались в пространстве: один шаг – и протекли целые века. Сколько прошло времени, сколько совершилось событий, прежде чем нравственное обновление человека христианством оказало свое великое и закономерное влияние на преобразование общественного быта! Но все же влияние это проявилось – кто мог бы в настоящее время не признавать этого?

Переходя от истории к самой сущности обоих факторов цивилизации, мы опять неизбежно придем к тому же результату. Нет человека, который не испытал бы этого на самом себе. Когда в человеке происходит нравственный переворот, когда в нем развивается новая идея, новая добродетель, новая способность – словом, когда он развивается лично, – какая потребность пробуждается в нем прежде всего? Потребность проявить свои чувства во внешнем мире, осуществить свою мысль вне себя. Едва только человек, по своему собственному убеждению, приобрел новую способность, новую силу, как в нем немедленно пробуждается идея долга: инстинктивное чувство, внутренний голос обязывает, побуждает его распространить перемену, улучшение, совершившееся в нем, сделать их господствующими вне его самого. Такова причина появления великих реформаторов. Великие люди, обновившие сначала самих себя, а потом изменившие строй целого мира, были побуждаемы и руководимы не чем другим, как именно этою непреодолимою потребностью.

Таковы последствия перемены, совершающейся во внутренней природе человека; обратимся к другому случаю. В обществе совершился переворот. Оно устроилось лучше прежнего, права и богатства распределены справедливее между отдельными лицами; другими словами, зрелище, представляемое внешним миром, стало привлекательнее и прекраснее; отношения правительства к подданным и последним между собою улучшились. Неужели вы думаете, что это зрелище, это улучшение внешних фактов не подействует на внутренний мир человека, на человеческую природу? Все, что говорится о силе примера, привычки, об образцах, достойных подражания, – все это основано единственно на том убеждении, что внешний факт, полезный, разумный, стройный, рано или поздно повлечет за собою более или менее сходный внутренний

факт того же качества и достоинства; что внешний быт, сложившийся лучше и справедливее, делает и самого человека более склонным к справедливости; что внутренний мир преобразовывается миром внешним, и наоборот; что оба элемента цивилизации тесно связаны друг с другом; что хотя бы их разделяли целые века и всевозможные преграды, хотя бы соединение их требовало бесчисленных видоизменений, но рано или поздно они непременно соединятся в каждом из них между собою; это естественный закон, это общий факт истории, это инстинктивное верование человеческого рода.

Я полагаю, что, далеко не исчерпав всего содержания понятия о цивилизации, я, однако, представил его вам в главных, хотя и общих чертах; я описал его, определил его границы, поставил главные, основные вопросы, связанные с ним. Можно было бы остановиться на этом; но я не могу оставить не затронутым еще один весьма существенный вопрос. Он не принадлежит к числу исторических вопросов в собственном смысле этого слова, он может быть назван скорее вопросом телеологическим. Вопросы, подобные ему, не вполне доступны нам, но они тем не менее неизбежно обращают на себя внимание человека, потому что представляются ему ежеминутно, даже против его воли. Из двух факторов цивилизации – развитие общества, с одной стороны, и человека – с другой, которое составляет цель и которое – средство? Для одного ли усовершенствования общественного своего быта, улучшения своего земного существования развивается весь человек, все его способности, чувства, идеи, все существо его? Или же улучшение общественного быта, прогресс общества, самое общество есть только поприще развития человеческой личности, повод, двигатель этого развития? Словом, существует ли общество для человека или человек для общества? От ответа на этот вопрос неизбежно зависит разрешение другого: ограничивается ли назначение человека его общественной жизнью, исчерпывает ли, поглощает ли общество всего человека, или же он носит в себе самом нечто высшее его земного существования?

Человек, дружбою которого я горжусь, который из собраний, подобных нашему, перешел и занял первое место в собраниях, менее спокойных, но более важных, – человек, каждое слово которого врезывается и навсегда остается запечатленным там, где оно раздалось – г. Ройе-Коллар разрешил этот вопрос, по крайней мере по своему убеждению, в речи своей по поводу проекта предполагавшегося закона о святотатстве. В этой речи я нахожу следующие два выражения: «Общества рождаются, живут и умирают на земле; этим они выполняют все свое назначение... Но они не поглощают собою всего человека. Вступив в общество, он сохраняет благороднейшую часть самого себя, свои высшие способности, которыми он возносится до Бога, до будущей жизни, до неведомых благ незримого мира... Мы, отдельные и подобные друг другу личности, мы, существа, одаренные бессмертием, имеем иное назначение, нежели государства». Я ничего не прибавлю к этому. Я не буду разбирать самого вопроса и ограничусь тем, что поставил его. Мы встретимся с ним в конце истории цивилизации; когда история эта вполне исчерпана, когда все сказано о настоящей жизни, человеку невольно и неотразимо представляется вопрос: точно ли все исчерпано, все окончено? В этом, следовательно, заключается последняя задача, и самая высокая из всех тех, к которым может привести история цивилизации. Я довольствуюсь тем, что указал ее место и значение.

После всего сказанного мною очевидно, что историю цивилизации можно изучать с двух сторон, почерпать из двух источников, рассматривать с двух различных точек зрения. Историк может обратиться к человеческому духу, каким он представляется в продолжение известного промежутка времени, целого ряда столетий или у какого-нибудь народа; он может изучить, описать, передать все явления, видоизменения, перевороты, совершившиеся во внутреннем мире человека, – и, окончив такой труд, он получит историю цивилизации избранного им народа или периода. Он может пойти и другим путем: не вступая во внутренний мир человека, он может встать в центре мировой арены, не описывая изменения идей и чувствований отдельных существ, он может излагать внешние факты, события, общественные перевороты. Эти два

отдела, эти две истории цивилизации тесно связаны между собою; они служат отражением, изображением друг друга. Однако они могут и даже должны быть разделены, по крайней мере сначала, для того, чтобы каждый из них мог быть подвергнут подробной разработке. Что касается меня, то я не предполагаю излагать историю европейской цивилизации в отношении ее к внутреннему миру человека; я займусь историей внешних событий, видимого, общественного быта. Я ограничиваю себя, стесняю предмет свой более узкими пределами: я имею в виду изучение лишь общественного быта в прогрессивном развитии.

Мы начнем с исследования всех элементов европейской цивилизации в ее колыбели, начиная с падения Римской империи, и тщательно изучим общество в том виде, в каком мы застаем его среди этих славных развалин. Мы постараемся если не воскресить, то восстановить эти элементы, сопоставить их и, достигнув этого, попытаемся проследить их развитие в течение пятнадцати веков, протекших с того времени. Я думаю, что с первых же шагов нашего исследования, мы убедимся в том, что цивилизация человечества еще очень молода, что она еще не совершила большей части своего пути. Мысль человека в настоящую минуту, без сомнения, еще не то, чем она может сделаться впоследствии; мы обнимаем еще далеко не всю будущность человеческого рода; пусть всякий из нас углубится в свои мысли, пусть спросит себя о возможном благе, которое он представляет себе и на которое надеется, и пусть сравнит потом свою мечту с окружающею его действительностью: он убедится, что общество и цивилизация еще очень юны, что, несмотря на весь пройденный путь, им предстоит еще путь несравненно больший. Но это несколько не уменьшает удовольствия, которое доставляет нам настоящее. Когда я приведу пред вашими глазами великие кризисы истории европейской цивилизации, совершившиеся в продолжение пятнадцати веков, вы увидите, до какой степени положение человека до нашего времени было тягостно, необеспечено, сурово, и не только во внешней жизни, в обществе, но и во внутреннем мире, в духовной жизни. В течение пятнадцати веков ум человеческий страдал столько же, сколько и род человеческий. Вы увидите, что лишь в новейшее время ум человеческий, может быть, еще впервые достигнул состояния, хотя далеко несовершенного, в котором царит некоторое спокойствие, некоторая гармония. То же самое и в обществе: оно очевидно сделало огромные успехи; положение человека, в сравнении с прежним, спокойно и удовлетворяет требованиям справедливости. Вспоминая о наших предках, мы можем применить к себе стихи Лукреция:

*Suave, mari magno, turbantibus aequora ventis,
Ex terra magnum alterius spectare laborem².*

Мы даже можем без гордости сказать о себе то, что говорит Соснел у Гомера:

Возблагодарим небо за то, что мы гораздо лучше наших предков.

Будем, однако, осторожны. Не следует слишком увлекаться сознанием своего счастья и превосходства, иначе нам грозят две большие опасности: гордость и леность. Мы можем сделаться слишком доверчивыми к могуществу и успехам человеческого разума, к той степени просвещения, которой мы достигли, и, наслаждаясь своим настоящим положением, утратить способность к дальнейшей деятельности. Я не знаю, поражает ли это вас так же сильно, как меня; но мне кажется, что мы постоянно колеблемся между двумя противоположностями: нас огорчают мелочи, а с другой стороны, мы мелочами же удовлетворяемся. В желаниях наших, в мыслях, в воображении мы до крайности впечатлительны, требовательны и безгранично честолюбивы; но когда дело доходит до действительной жизни, когда для достижения цели необходимы жертвы и усилия, мы устаем и опускаем руки. Мы упадем духом почти так же легко, как нетерпеливо желаем чего-нибудь. Остережемся же от того и другого. Привыкнем соразмерять

---

² Приятно, когда ветер вздымает морские волны, с твердой земли смотреть на великую работу.

наши желания с тем, что нам могут дать наши силы, знания, наши средства, и будем домогаться лишь того, что может быть приобретено законно, справедливо, правильно, с уважением тех основ, на которые опирается самая цивилизация. Иногда мы, кажется, готовы снова возвратиться к началам варварской Европы: к грубой силе, наглости, обману, столь обыкновенным явлениям четыре – пять веков тому назад. Но даже и уступив этому искушению, мы не находим в себе ни упорства, ни дикой энергии людей того времени, которые много страдали и, недовольные своим положением, постоянно стремились выйти из него. Мы довольны своим положением, не будем же рисковать им ради смутных желаний, время осуществления которых еще не настало. Нам много дано, с нас много и спросится; мы должны будем отдать потомству строгий отчет в своей деятельности; общество и правительство – теперь одинаково подлежат исследованию, отчету, ответственности. Станем же твердо и неуклонно держаться начал нашей цивилизации: правосудия, законности, гласности, свободы, никогда не забывая, что если мы справедливо требуем, чтобы ничего не было скрыто от нас, то сами находимся на виду всего света, который и нас в свою очередь подвергнет допросу и суду.

Лекция вторая

Исключительность древней цивилизации. – Разнообразие современной цивилизации. – Ее превосходство над древнею. – Состояние Европы в эпоху падения Римской империи. – Преобладание городов. – Попытка политической реформы, произведенная императорами. – Рескрипт Гонория и Феодосия II. – Могищество империи. – Христианская церковь. – Различные стадии, пройденные ею в V веке. – Духовенство, занимающее муниципальные должности. – Хорошее и дурное влияние церкви. – Варвары. – Внесение ими в мир чувства личной независимости и преданности человека человеку. – Обзор элементов цивилизации в начале V века.

В предыдущей лекции я старался объяснить факт цивилизации вообще, не касаясь никакой цивилизации в отдельности, не обращая внимания на обстоятельства времени и места, рассматривая факт в нем самом, с точки зрения чисто философской. Теперь мы займемся собственно европейскою цивилизациею; но мне хотелось бы прежде всего показать вам в общих чертах ее особенности; мне хотелось бы представить ее так ясно, чтобы она явилась вполне отличною от всех других цивилизаций в мире. Попытаюсь исполнить это желание, ограничиваясь по необходимости общими положениями. Мне бы следовало обрисовать пред вами европейское общество с такою точностью, чтобы вы тотчас могли узнать его, словно по портрету; но я не смею надеяться достигнуть этой цели.

Вдумываясь в цивилизации, предшествовавшие европейской, – в Азии ли, или в других странах, не исключая даже Греции и Рима, – нельзя не обратить внимания на господствовавшее единство. Все они словно вытекают из одного известного начала, из одной идеи; словно все общество находилось во власти одного принципа, преобладавшего в нем, определившего его учреждения, нравы, верования, словом, все стороны его развития. В Египте, например, целым обществом владел принцип теократический; он проявляется в нравах, в памятниках, во всем, что осталось от египетской цивилизации. В Индии то же самое – почти исключительное господство теократического принципа. У других народов встречается иная организация – господство касты завоевателей; принцип силы исключительно властвует над обществом, предписывает ему законы, сообщает ему свой характер. Есть общества, служащие выражением демократического принципа, например, большая часть торговых республик, такие как Иония, Финикия и др. Одним словом, древние цивилизации носят на себе замечательный отпечаток исключительности в учреждениях, нравах, идеях; всем управляет и все решает какая-нибудь одна, если не единственная, то по крайней мере безусловно преобладающая сила.

Такое единство принципа и формы не всегда, однако, преобладало в цивилизации древних государств. Восходя к более отдаленным временам их истории, мы часто находим соперничество тех различных сил, которые могут развиваться в недрах общества. У египтян, этрусков, даже у греков каста воинов, например, боролась с кастою жрецов, у других народов – дух клана³ с духом свободных общин, аристократическая система с демократическою и проч. Но подобная борьба обыкновенно происходила в доисторические эпохи, история же в собственном смысле слова сохранила о ней только смутное воспоминание. Иногда подобная борьба возникала и в позднейшие времена, но почти всегда быстро прекращалась. Одна из сил, боровшихся за власть, побеждала и нераздельно овладевала обществом. Война постоянно оканчивалась, если не исключительным, то по крайней мере преобладающим господством какого-нибудь известного начала. В истории древних народов одновременное существование и соперничество различных начал было не более как скоропроходящим кризисом, случайным явлением – отсюда поразительная простота в большей части древних цивилизаций. Простота общественного начала иногда имела следствием необыкновенно быстрое развитие, как, например,

---

³ Клан – род, происходящий от одного родоначальника и сильно разросшийся.

в Греции. Ни один народ не развивался так блистательно и в столь короткое время. Но после этого изумительного успеха, Греция вдруг является изнуренной и, хотя падение ее было медленнее, нежели возвышение, тем не менее оно совершилось с необыкновенною быстротою. Творческая сила в началах греческой цивилизации словно иссякла, а взамен ее не явилось никакого другого освежающего начала.

В Египте и в Индии единство цивилизации имело совершенно противоположный результат. Общество впало в состояние застоя. Простота обратилась в однообразие; государство не разрушилось, общество продолжало свое существование, но оставалось неподвижным и словно застыло. К той же самой причине должно отнести тиранический характер, проявляющийся в самых разнообразных формах во всех древних цивилизациях. Общество находилось во власти одной исключительной силы, недопускавшей господства иной. Всякое чуждое ей стремление подвергалось преследованию. Господствующий принцип никогда не допускал проявления и действия рядом с собою какого-либо другого начала.

Это единство цивилизации отразилось и в литературе, в произведениях ума. Кто не просматривал памятников индийской литературы, с недавнего времени распространившихся в Европе? Нельзя не признать, что все они носят один и тот же характер. Они представляют как бы результат одного и того же факта, выражение одной и той же идеи; религиозные и нравственные сочинения, исторические предания, драматическая поэзия, эпопея – все носит на себе один и тот же отпечаток; произведения разума отличаются тем же однообразием, которое заметно в событиях и учреждениях. Даже в Греции, среди всех богатств человеческого разума, господствует редкое единство в литературе и в искусствах.

Совершенно иначе развивалась цивилизация современной Европы. Оставляя в стороне все подробности, взгляните в нее, припомните все, что вы знаете о ней, – она тотчас же явится перед вами многообразною, запутанною, бурною; в ней одновременно существуют все формы, все начала общественной организации: духовная и светская власть, элементы теократической, монархической, аристократической, демократической; все классы, все состояния общества смешаны и перепутаны; всюду представляются бесконечно разнообразные степени свободы, богатства, влияния. И все эти силы находятся в состоянии постоянной борьбы, причем ни одна из них не получает решительного преобладания над прочими, не овладевает безусловно обществом. В древности каждая великая эпоха словно отливала все общества в одну и ту же форму; преобладание принадлежало то монархии, то теократии или демократии, – но господство каждой из этих форм было всегда исключительным, безусловным. Современная Европа представляет образцы всех систем, всех попыток общественной организации: абсолютные и смешанные монархии, теократии, республики, более или менее аристократические, существуют в ней одновременно, друг подле друга, и несмотря на все различие их, они все-таки представляют много общего, в них нельзя не признать чего-то родственного.

В мире идейном и нравственном то же разнообразие, та же борьба. Теократические, монархические, аристократические, демократические убеждения сталкиваются, борются, ограничивают, видоизменяют друг друга. Раскройте самые смелые средневековые сочинения: никогда идея не доведена в них до своих последних результатов. Защитники абсолютной власти внезапно, сами того не замечая, отступают пред следствиями, вытекающими из их учения; они, очевидно, стеснены идеями, влияниями, которые останавливают их и не позволяют им дойти до крайних пределов. Демократы подвергаются действию того же самого закона. Нигде мы не видим той непоколебимой отваги, той слепой логики, которые поражают нас в древних цивилизациях. В чувствах те же противоположности, то же разнообразие: весьма энергическое стремление к независимости рядом с склонностью к подчинению; глубокая преданность одного человека другому, и в то же время безудержная потребность исполнять свою волю, отбросить всякие стеснения, жить одному, не заботясь о других. В ощущениях, словом, такие же колебания, как и в самом обществе.

Те же отличительные свойства встречаем мы и в новейшей литературе. Нельзя не сознаться, что с точки зрения формы и художественности произведения ее во многом уступают древним: но в описании мыслей и чувств они стоят неизмеримо выше. Душа человеческая является в них исследованною и многостороннее и глубже. Отсюда и само несовершенство формы. Чем сильнее, многочисленнее материалы, тем труднее привести их к простой, ясной форме; а в таковой, собственно, и заключаются красота, художественность. При разнообразии идей и чувств европейской цивилизации, гораздо труднее достигнуть такой простоты и ясности, какие представляют античные произведения.

Следовательно, куда бы мы ни обратились, всюду обнаруживается господствующий характер современной цивилизации. Он, без сомнения, имеет тот недостаток, что развитие всех проявлений человеческого ума, порознь взятых, уступает соответствующей стороне развития в древних цивилизациях; но зато рассматриваемая в общем европейская цивилизация является несравненно выше всякой другой. Она существует уже пятнадцать столетий и постоянно прогрессирует; она подвигалась вперед далеко не так быстро, как греческая цивилизация, но зато прогресс ее никогда не прекращался. Она видит пред собою бесконечную арену и, со дня на день, стремится вперед все быстрее и быстрее, потому что свобода все более и более расчищает ей дорогу; тогда как в других цивилизациях исключительное господство или по крайней мере чрезмерное преобладание одного начала, одной формы всегда порождало тиранию; в современной Европе разнообразие элементов общественного устройства и невозможность их взаимного уничтожения были причиною той свободы, которая достигнута в настоящее время. Различные начала, не имея возможности уничтожить одно другое, принуждены были волей-неволей существовать совместно и примирились путем компромиссов. Каждое из них ограничилось тою ролью в ходе развития, которая приходилась ему по праву; повторяем: тогда как в других странах господство одного начала порождало тиранию, в Европе результатом разнообразия и постоянной борьбы элементов цивилизации явилась свобода.

В этом состоит истинное, неизмеримое превосходство. Если мы пойдем еще далее, и, игнорируя внешние факты, обратимся к самой сущности дела, то должны будем сознаться, что такое превосходство вполне естественно и законно, что его санкционирует разум, что оно вытекает из фактов. Забыв на время европейскую цивилизацию, взглянем вообще на мир, на общий ход явлений, совершающихся на земном шаре. В чем их особенность? Как они совершаются? Они совершаются именно среди бесконечного разнообразия воздействий, среди вечной борьбы, подобную которой мы замечаем в европейской цивилизации. Никакое исключительное начало, никакая особая организация, никакая идея, никакая частная сила, очевидно, не владеет миром, не организовала его раз навсегда по известному шаблону, не изгнала из него все другие стремления, не завоевала себе исключительного господства в нем. Различные силы, начала, системы смешиваются, ограничивают друг друга, находятся в непрерывной борьбе, то возвышаясь, то упадая, но никогда не оставаясь вполне победителями или побежденными. В этом именно бесконечном разнообразии форм, идей, начал, в их соперничестве, в их стремлении к известному единству, к идеалу, который никогда, может быть, не будет достигнут, но к которому путем труда и свободы вечно будет стремиться человеческий род – в этом именно и состоит мировой процесс. Следовательно, европейская цивилизация есть точное изображение этого процесса; в ней точно так же нет ни односторонности, ни исключительности, ни застоя. Впервые, кажется, цивилизация явилась чуждою всякой исключительности, впервые развилась она столь же пышно, разнообразно и деятельно, как сама Вселенная. Европейская цивилизация приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения. В этом заключается ее неизмеримое превосходство над всеми другими цивилизациями. Весьма желательно, чтобы во все продолжение этого курса вы постоянно имели в виду этот основной, отличительный характер европейской цивилизации. Пока я только указываю на него; доказательства будут представлены в ходе дальнейшего изложения, положения мои, однако,

значительно подтверждаются уже тем, что мы в самой колыбели европейской цивилизации найдем причины и зародыши тех свойств, которые я приписал ей, что мы в самый момент ее возникновения, именно в момент падения западной Римской империи, найдем в состоянии мира, во всех явлениях, содействовавших образованию европейской цивилизации, исходную точку того бурного, но плодотворного разнообразия, которым она отличается. Я приступаю к этому исследованию. Я рассмотрю состояние Европы в эпоху падения Римской империи и постараюсь найти в учреждениях, верованиях, чувствах, идеях те элементы, которые древний мир завещал новому. Если мы уже в этих элементах заметим отпечаток вышеописанного характера европейской цивилизации, то он тотчас же приобретет в ваших глазах значительную степень достоверности.

Прежде всего необходимо ясно представить себе, что такое была Римская империя и как она образовалась. Рим в начале своего существования был не что иное, как муниципия, община. Образ правления его был совокупностью тех учреждений, которые свойственны народонаселению, заключенному в стенах города, – учреждений муниципальных; таков их отличительный признак. Замечание это относится не только к Риму. Повсюду, в тогдашней Италии, мы не видим ничего другого, кроме городов. Название народов принадлежало тогда союзам этих городов. Латинский народ был союзом латинских городов; в том же состоянии пребывали этруски, самнитяне, сабиняне, народы Великой Греции.

В то время совсем не существовало деревень в том виде, в каком они существуют ныне. Земли, находившиеся вне городов, обрабатывались, потому что этого требовала необходимость, но они не были заселены. Владельцами полей были городские жители. Они на время оставляли город для наблюдения за полями, содержали там часто некоторое количество рабов; но деревень, в том смысле, как мы их понимаем, т. е. разбросанного по территории населения, живущего то отдельно, то обществами, в Древней Италии почти совсем не существовало.

Что сделал Рим, когда владения его расширились? Проследите его историю и вы увидите, что он завоевывал или основывал города; с городами он боролся, с городами заключал договоры, города колонизировал. История завоеваний Рима есть история завоевания и основания огромного числа городов. На востоке распространение римского владычества не вполне отличается этим характером; народонаселение распределено было там не так, как на западе. Подчиненное другим общественным условиям, оно было гораздо менее сосредоточено в городах. Но мы имеем дело только с европейским населением, и восток представляет для нас мало интересного.

Ограничиваясь западом, мы всюду встречаем указанный мною факт. В Галлии, в Испании мы не видим ничего кроме городов; за стенами их территория покрыта болотами, лесами. Всмотритесь в характер римских памятников, римских дорог. Вы замечаете большие дороги, соединяющие один город с другим; но нет того множества мелких путей сообщения, которые в настоящее время пересекают территорию во всех направлениях. Нет ничего похожего на это бесчисленное количество небольших памятников, селений, замков, церквей, раскинувшихся по всей поверхности европейской территории, начиная с Средних веков. Рим завещал нам только грандиозные памятники как результаты муниципального устройства, предназначенные для многочисленного населения, столпившегося на одном пункте. С какой бы точки зрения мы ни рассматривали римский мир, мы найдем в нем почти исключительное преобладание городов и отсутствие иных поселений.

Этот муниципальный характер римского мира очевидно служил сильным затруднением при установлении и поддержании единства, общественной связи между отдельными частями огромного государства. Муниципия, подобная Риму, могла покорить мир, но с трудом могла устроить его и управлять им. Вот отчего, когда все, по-видимому, было уже окончено, когда весь запад и большая часть востока подпали под римское владычество, все несметное количество городов, – этих небольших государств, созданных для отдельной, самостоятельной

жизни, – разъединяются, отрываются друг от друга и расползаются, так сказать, во все стороны. В этом заключалась одна из причин, по которым сделалась необходимою империя, как форма правления более сосредоточенная, более способная поддержать связь между столь шаткими элементами. Империя пыталась внести единство и связь в это разъединенное общество и до некоторой степени успела в том. В период от Августа до Диоклециана, одновременно с развитием гражданского законодательства, установилась и та обширная система административного деспотизма, которая покрыла римский мир сетью чиновников, иерархически подчиненных друг другу, тесно связанных как между собою, так и цезарским двором, и предназначенных исключительно для осуществления предначертаний верховной власти и для сообщения верховной власти сведений о силах и материальных средствах общества. Этой системе не только удалось соединить и удержать во взаимной связи элементы римского мира, но благодаря ей и самая идея центральной власти с замечательною легкостью проникла в умы. Нельзя без удивленья видеть, как в этом слабо соединенном сборище небольших республик, в этом союзе муниципий, быстро распространяется уважение к императорскому величеству, единому августейшему, священному. Потребность установить некоторую связь между отдельными частями империи была, без сомнения, весьма настоятельна, если система полной централизации привилась с таким успехом. Посредством этой административной организации и соединенной с нею военной системы Римская империя сопротивлялась и внутреннему распадению своему и вторжению варваров. Она боролась долго, находясь непрерывно в состоянии упадка, но не переставая защищаться. Настало, наконец, время, когда распадение одержало верх. Как цезаризм, так и рабство оказались одинаково бессильными поддержать это громадное разрушающееся тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.